

ОБЛАКА 10.04.2012

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйтесь. У микрофона Ирина Новожилова.

200 лет назад в газете «Московские ведомости» можно было прочитать: «Продается дворовый человек 25 лет, женский башмачник, знающий совершенно свое мастерство, при том исправляет все домашние господские надобности, лакейскую и кучерскую должности и к столу приготавливает». Или: «Продам за 250 рублей: семья, портной мужской 45 лет, с женой прачкой 30 лет, сыном 5 лет и дочерью, умеющею кружева плести, 18 лет».

Это было не так давно, как может показаться. Самые старые из нынешних россиян могут помнить дедушку, проданного по объявлению. Крепостное право отменили всего полтора века назад. Но мы все еще живем в мире чудовищных противоречий и несправедливости. Лишь некоторые из современников решаются обличать зло, и уж совсем единицы пытаются изменить этот мир к лучшему. Таким редким человеком был Александр Иванович Герцен, русский писатель, публицист, философ, революционер.

Не повести и романы определили его место в российской истории. В годы Советской власти пропагандисты злоупотребляли его именем, и главной причиной тому была статья Ленина под названием «Памяти Герцена». Отрывки из нее советских школьников заставляли учить наизусть, и поэтому ленинская фраза «Декабристы разбудили Герцена» стала частью советского фольклора. Большевики сделали Герцена одной из своих икон. Но можно ли ставить ему это в упрек?

Все честные люди тогдашней России испытывали те же чувства, что и Герцен: возмущение сложившимися порядками и безысходную тоску от невозможности что-либо исправить. Ситуация требовала разрешения, а правительство не только продолжало медлить с отменой крепостного права, но и создавало всё новые препятствия для гласного обсуждения общественных проблем. "Уважьте во мне свободу человека. – писал Герцен. Свобода лица - величайшее дело, на ней только и может вырасти действительная воля народа. У нас лицо всегда было подавлено... свободное слово у нас всегда считалось за дерзость".

* * *

«6 апреля исполнится двести лет со дня рождения Герцена - политического заключенного царского режима. - Пишет наш постоянный слушатель Андрей Бурков. - Герцен был в ссылке в Перми, Вятке, Владимире, Новгороде, а потом в бессрочной, в Западной Европе. Было бы очень хорошо создать передачу о нем.»

Действительно, Герцен часто обращался к тем же вопросам, которым посвящена наша передача. И пройти мимо этой даты мы, конечно, не можем.

Незаконный сын помещика Ивана Яковлева, Александр Герцен получил от своего отца не только имя, но и придуманную фамилию, которая в переводе в немецкого значит

«сын сердца». Внебрачное происхождение если и повлияло на жизнерадостную натуру Александра, то самым наилучшим образом. Возможно, это даже заострило некоторые черты его натуры: наблюдательность, остроумие, отзывчивость к чужому горю. Он был любимым сыном и наследником огромных богатств.

Свой нравственный выбор Герцен сделал еще в детстве. Гувернеры-иностранцы рассказывали ему о европейских свободах, невысказанных в России. Когда мальчику было 13 лет, в Петербурге произошло восстание декабристов. Конечно, событие это обсуждалось и в Москве, где жила тогда семья Герцена. Но еще больше, чем восстание 14-го декабря, мальчика потрясли казни зачинщиков и небывало жестокие наказания других бунтовщиков. Повесив пятерых организаторов, император Николай Первый нарушил полувековую традицию отказа от смертной казни в России. Солдат, выступивших на стороне декабристов, прогоняли сквозь строй, то есть забивали шпильцами и палками. В своем лучшем произведении, книге-мемуарах «Былое и думы» Александр Герцен вспоминал:

«Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве - сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился все больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это случилось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи».

Поделившись своими терзаниями с домашним учителем русского языка, Александр нашел живой отклик – тот стал носить ему тетрадки с запрещенными вольнолюбивыми стихами Пушкина и Рылеева. Постепенно в представлении юного Герцена создался образ справедливого мироустройства, в котором не было места крепостному праву и отрицалась сама возможность обладания человека человеком.

* * *

Вскоре после окончания университета Герцен оказывается замешан в историю, которая определит его судьбу. На праздничной пирушке молодые люди спели песню, которая, как было записано в протоколе, содержала «дерзостное порицание» царя. Кроме того, подвыпившая компания разбила бюст императора Николая. Вскоре последовал арест. Это была первая встреча Александра Герцена с аппаратом полицейского государства. Позже в книге «Былое и думы» он напишет:

«Чтоб знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надобно быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином.» - Напишет он позже в своей книге мемуаров «Былое и думы». - «Политических арестантов, которые большею частью принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбою бедных бородачей. С этими полиция не церемонится. К кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд?

Таков беспорядок, зверство, своеволие и разврат русского суда и русской полиции, что простой человек, попавшийся под суд, боится не наказания по суду, а судопроизводства. Он ждет с нетерпением, когда его пошлют в Сибирь - его мученичество оканчивается с началом наказания...»

«И во всей России...» - заключает Герцен - «людей пытаются; там, где опасно пытаться розгами, пытаются нестерпимым жаром, жаждой, соленой пищей; в Москве полиция ставила какого-то подсудимого босого, градусов в десять мороза, на чугунный пол - он занемог и умер в больнице».

* * *

Спустя почти год после ареста Герцена и его товарищей последовало изъятие воли императора: виновных под суд не отдавать, но отправить в бессрочную ссылку. Так начались многолетние скитания Герцена. С момента ареста и до конца жизни Герцена российская тайная полиция не спускала с него глаз. И пока он жил в России, его отправляли в ссылки по самым ничтожным поводам.

В 1847 году Герцен уезжает из России, не зная, что покидает ее навсегда. Спустя год он становится свидетелем революций, прокатившихся по странам Европы. Февральская революция 1848 года показалась Герцену осуществлением всех надежд. Последовавшее затем Июньское восстание рабочих, его кровавое подавление и наступившая реакция потрясли Герцена, который решительно обратился к социализму.

Под влиянием крушения старых идеалов у него сформировалась специфическая система взглядов об обреченности, «умирании» старой Европы и о перспективах России и славянского мира, которые призваны осуществить социалистический идеал. – «Единственная страна, в которой возможен социальный прогресс, – это Россия», приходит к выводу Герцен.

По его мнению, именно русская крестьянская община может стать основой общества всеобщего равенства и братства. Равноправие, существующее в общине, позволит России миновать в своем развитии капитализм и привести страну к идеальному общественному устройству. Это умозаключение Герцена получает широчайшее признание и воспринимается с величайшим энтузиазмом.

К этому времени русское правительство ожесточилось: в стране свирепствовала цензура. Доходило до того, что в стране закрывались немногочисленные университеты. «Я этих философов в чахотку вгоню!» - обещал император Николай Первый.

Герцен стал кумиром романтически настроенной образованной молодежи России, которая стремительно освобождалась от веры в Бога, и теперь бессознательно создавала другую, уже светскую религию, искала новые идеалы, новые дела, которым можно было бы посвятить свою жизнь.

* * *

В искренности намерений Герцена и чистоте помыслов трудно было сомневаться. Он унаследовал от отца миллионное состояние и потратил его на «Вольную русскую типографию», на выпуск в Лондоне альманаха «Полярная звезда» и газеты «Колокол». О направлении газеты в первом номере было сказано: «Везде, во всем, быть со стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков, со стороны науки – против изуверства, со стороны развивающихся народов – против отстающих правительств».

И «Колокол» зазвонил - о нелепых указах и гонениях на раскольников, о воровстве и невежестве сената, обо всем «смешном, злонамеренном и преступном». Российские чиновники больше всего боялись попасть на страницы этого бесцензурного издания. Ведь сам император Александр II внимательно просматривал каждый номер. Возмущение императора вызвало напечатанное в 25-ом номере «Письмо к редактору». В письме были

помещены тексты почти десятка секретных документов — о цензуре, о крестьянах, о подготовке крестьянской реформы. Была приведена личная резолюция Александра II, запрещающая употреблять в служебных бумагах слово «прогресс».

Газета печаталась на тонкой бумаге, чтобы было проще нелегально переправлять через таможеню. Ведь издание было немедленно запрещено в России, а позже и в Пруссии, Саксонии, Риме, Неаполе. Впоследствии многие приемы распространения газеты были взяты за образец издателями других нелегальных и революционных изданий.

* * *

Сегодня мы живем в другое время, называемое информационным веком. Информация распространяется по всему миру практически мгновенно и почти без цензуры. Этот процесс трудно контролировать, хотя власти многих стран и пытаются. Но влияние информации различно, поскольку ее источники очень различаются по степени достоверности и авторитетности. Цензура тоже не исчезает совсем и сохраняется все больше для печатных изданий – но остается самоцензура, о которой еще Герцен с горечью писал как об одной из причин его разочарования в Европе.

Как следствие, становится все более прозрачной и деятельность государственных учреждений, даже тех, которые всегда и везде считались «закрытыми». Свободное слово, о котором мечтал Александр Герцен, все чаще доносится из мест заключения, и это становится все более привычным. Образованы общественные наблюдательные комиссии, члены которых регулярно посещают колонии и тюрьмы и общаются с заключенными. В обществе начинает создаваться все более плотная сеть обратных связей, позволяющих ему нормально развиваться. Голос меньшинств, голос уязвимых групп населения, каковыми являются, в том числе, заключенные, становится все более слышим.

Александр Герцен, наверняка, порадовался бы многому, что мы имеем сейчас: бесцензурному интернету и сетевым изданиям, мгновенной электронной почте и мобильной связи. Он и представить не мог сегодняшних возможностей распространения информации.

И он очень удивился бы, что мы с некоторых пор называем интернет-журналистику – «сетевой Герцен». Это значит, он по-прежнему нужен и кого-то будит.

Вы слушали программу Облака. Всем привет.